

Алексей Гатапов

ТЭМУДЖИН

Книга 2

Тэмуджин

Алексей Гатапов

Тэмуджин. Книга 2

«ФТМ»

2014

Гатапов А.

Тэмуджин. Книга 2 / А. Гатапов — «ФТМ», 2014 — (Тэмуджин)

ISBN 978-5-4467-2664-6

Роман бурятского писателя Алексея Гатапова описывает отроческие годы Чингисхана – великого полководца и государственного строителя Монголии XII–XIII вв. В первой и второй книгах романа отражается важный период становления молодого героя – от 9 до 11 лет. Это годы нужды и лишений, голода и смертельных опасностей, когда в условиях жестокой вражды между родами монголов выковывался характер великого воина и властителя.

ISBN 978-5-4467-2664-6

© Гатапов А., 2014

© ФТМ, 2014

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	9
III	12
IV	17
V	20
VI	22
VII	24
VIII	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Гатапов

Тэмуджин. Книга 2

© Текст. А. С. Гатапов, 2020
© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

Часть первая

I

Пережив зиму у подножия Бурхан-Халдуна, семья Есугея на лето перебралась вверх по Онону в узкую межгорную котловину. Местность тут была укромная, отдаленная от степных просторов за горными отрогами и падами – в стороне от глаз соплеменников, вновь прикочевавших с выходом новой травы на летние пастбища.

Еще весной, охотясь на косуль и кабаргу, Тэмуджин увидел эти места в горных верховьях и рассказал о них матери Оэлун. Та одобрила и, когда приблизилось время прибытия соплеменников, они уже знали, куда уходить им со своим небольшим хозяйством.

Расставив на обширной поляне у порожистого, с шумными перекатами на камнях Онана две юрты – на этот раз большую и молочную – они зажили теперь почти как хамниганы: ни степной, ни лесной, а какой-то полуохотничьей жизнью. Травы на горных склонах были сытные и две их коровы после весенней бескормицы быстро вошли в тело, прибавив в молоке. Вместо баранины у них теперь в изобилии было мясо косули и кабарги, которые большими стадами паслись на лесных увалах, да Тэмугэ с Хачиуном, заметно подросшие, приноровились заостренными палками колоть рыбу среди прибрежных камней.

Почти каждый день два младших брата приносили крупных сигаов и хариусов, а иногда и тайменей. Жарили их на внешнем очаге, щедро угощая старших братьев и матерей. Поначалу они чистили рыбу прямо у очага, но скоро развели такую вонь, что Оэлун и Сочигэл прогнали их подальше от юрт. Запретили они чистить рыбу и у реки и те, незаслуженно обиженные, и тем донельзя оскорбленные, нашли прибежище в ближнем лесу. Построили они там хамниганское жилище из корья и жердей, и теперь матерям по надобности приходилось подолгу выкликать их оттуда.

После того, как немного поднялась трава, Тэмуджин с Бэктэром съездили к Мэнлигу, жившему теперь отдельным айлом в верховье Эга и пригнали от него девять молодых мерингов, сохраненных им от старых их табунов. Оставались у Мэнлига еще коровы и овцы, но расчетливая Оэлун решила оставить их про запас.

Сразу же после приезда оттуда Тэмуджин установил среди братьев новый порядок: ежедневно учиться мужским искусствам – бороться, бросать копьё и аркан, стрелять на скаку. И теперь каждый день, и в жару и в дождь, они носились на своих конях по дальнему краю поляны или возились в траве, приминая ее на земле до войлочной тверди.

Тэмуджин неустанно вбивал в головы младшим свои сокровенные мысли, на одном заостряя их умы:

– Нас, сыновей Есугея, все еще считают малолетними детьми. И пусть так считают, а на самом деле каждый из нас будет стоять двоих взрослых. Сейчас у нас нет своего улуса, но если мы будем сильными воинами, тогда и другие воины к нам придут, и мы заставим нойонов признать нас за равных, потому что мы сохранили отцовское знамя. А придет время, мы и улус свой потребуем вернуть.

С Бэктэром они учились рубить саблей по конскому волосу и до изнеможения бились на прутьях, щедро одаривая друг друга синяками и ссадинами. Все лето они обучали новых лошадей разным хитростям: уклоняться от стрел, по слову ложиться и вставать, прыгать через овраги и поваленные деревья...

Оэлун и Сочигэл, видя, как увлеклись их сыновья после зимней скуки, не мешали им, не отрывали от игр. Сами они, пока стояло лето, успевали шить и перешивать одежду стар-

шим, быстро выраставшим из своих рубах и штанов, латали их старую одежду, нашивая новые заплатки, чтобы передать младшим.

В один из первых дней месяца хожа¹ к ним вдруг пришла Хоахчин. Перед вечерними сумерками Сочигэл, подоив двух коров и подпустив к ним телят, шла с полным подойником молока. Отмахиваясь от наседавшей мошки коровьим хвостом, она уже подходила к юрте, когда две их собаки разом взлаяли в нижнюю сторону реки и тут же смолкли, приветливо завиляв хвостами. Сочигэл остановилась, повернувшись в ту сторону. Помедлила, всматриваясь, и обрадованно вскрикнула:

– Хоахчин!

На крик ее из юрты выбежала Оэлун. Подошли сыновья, стреножившие на ночь новых лошадей, пригнанных от Мэнлига. Вдоль каменистого берега реки, и вправду, приближалась к ним старая их рабыня Хоахчин. Она устало прибрела поближе и упала на колени в траву, заплакала в голос:

– Оэлун-эхэ, возьмите меня к себе, не прогоняйте! Не могу я на старости лет жить у чужих людей. Возьмите меня обратно или пусть Тэмуджин с Бэктэром прибьют и заруют меня в землю!..

Оэлун с руганью подскочила к ней, за руку подняла с земли.

– Что это она болтает, выжившая из ума старуха! – и тут же, смягчая голос, заговорила: – Останешься с нами, мы теперь живем в достатке, и еды и места хватит. А ну, перестань плакать, пойдем в юрту...

После того, как ее накормили мягким кабарожьим мясом и напоили горячим молоком, она, сидя за очагом пониже Сочигэл, при свете трех светильников, рассказывала:

– Жила я все это время в ставке Таргудая. Нас, как мы пришли к ним, в тот же день разделили и почти всех отправили по разным краям, по коровьим стадам и овечьим отарам. А меня, как узнали, что я ближняя ваша рабыня, оставили при себе, чтобы была у них на виду, – Хоахчин задорно улыбнулась беззубым ртом, – видно, побоялись, что одряхлевшая старуха у них табуны угонит или еще какой-нибудь вред учинит...

Младшие весело рассмеялись над ней.

– А ну, тихо, чего расхохотались! Смешно вам? – прикрикнула на них Сочигэл и, наконец, задала вопрос, волновавший всех. – А как же ты нас нашла? Откуда ты узнала, что мы здесь?

– От Кокэчу я разузнала все о вас, – говорила та. – Он рассказал мне, как вас найти, что, мол, по правому берегу Онона вверх, в горы надо идти. Ведь я трижды просила его, еще с зимы начала к нему приставать, а он все не хотел говорить, мол, по следу могу навести людей Таргудая. И верно ведь, я-то, глупая старуха, сама не подумала об этом. Еще раз я обратилась к нему, как только сошел снег, но он сказал, что рано. И вот, пять дней назад я снова подошла к нему, а он мне говорит: «Испорти что-нибудь в хозяйстве Таргудая, да так, чтобы тебя наказали, а ночью пойдешь к омуту на Ононе, там будет стоять долбленая лодка с веслом. Уплывешь на ней, а люди утром пойдут по следу и подумают, что от обиды утопилась...» Поразила я уму этого мальчишка, а сама пошла выбирать, чего бы у них такого сделать, чтобы разозлить хозяйку. Днем я будто по ошибке налила в хурунгу, настоящую для перегонки, нового молока и жена Таргудая Эмэгэн-хатун, злобная женщина, отхлестала меня плетью так, что до сих пор у меня болит спина. Ночью я дождалась, когда все заснули, встала потихоньку и пришла на берег. Всмотрелась при свете звезд, а там под обрывом и вправду качается на воде маленькая лодка. Села я на нее и к утру доплыла до устья Эга. Там в прибрежных кустах спрятала лодку, как мне наказывал Кокэчу, а дальше пошла пешком. На другой день к вечеру, сказал он мне, найдешь своих хозяев. Так и получилось, как мне предсказал шаман: уже солнце зашло, я обессилела от долгой ходьбы, думаю, пора где-то остановиться на ночь, и тут смотрю, стоят две ваши юрты,

¹ Хожа – летний месяц в лунном календаре древних монголов, примерно соответствует июню григорианского календаря.

одна большая, другая молочная – я сразу их узнала. Ну, думаю, слава Сэгэн Сэбдэг тэнгэри², помог мне, ведь я ему все время молилась, пока шла. Думаю, если не прогонят меня мои нойоны, еще поживу сколько-нибудь без забот и печали...

– А Кокэчу часто бывает в ставке Таргудая? – внимательно выслушав ее, спросил Тэмуджин.

– Да, он часто наезжает, но не все время он там, – толково отвечала ему Хоахчин. – Коней он часто меняет, особенно с начала лета, то на белом жеребце он, то на рыжем один раз приехал, а в последний раз видела его на саврасом... И они у него все время в половине тела, не толстеют с новой травы, видно, что большие переходы делает по степи. А куда ездит шаман, то ведь людям доподлинно никогда не узнать...

– А что в народе про нас говорят? – после некоторого раздумья спросила Оэлун.

Хоахчин, помедлив, глядя себе в ноги, вздохнула:

– Разное болтают люди... Оказывается, тайчиутские харачу совсем не знают ни вас, Оэлун-эхэ, какой вы добрый человек, ни Есугея-нойона, каким честным был он нойоном. Про него в одном разговоре я даже услышала, будто он был страшно злой и горделивый человек, будто он бахвалился своей силой, не уважал старших... А про вас, Оэлун-эхэ, тайчиуты говорят между собой, будто вы любите смуты и ссоры, что на племенном тайлгане прошлой осенью оскорбили уважаемых старух, побили каких-то женщин, а когда Таргудай приехал к вам в гости, вы в бешенстве бросились на него с мутовкой для кумыса, прогнали его из своего айла, мол, были сильно пьяны... Да ведь каждому понятно, кто все это распускает, – она замала обеими руками, увидев, как на переносице у Оэлун жестко сошлись черные брови, – а харачу понабрались нойонских слухов и болтают, чего сами не знают. Люди ведь глупы и у них нет большего наслаждения, кроме как очернить другого, а каков человек на самом деле, разве глупцам до этого?..

Спать в тот вечер легли поздно, звезды уже переходили за полночь. Хоахчин хотели уложить на женской половине у двери, в ногах у Оэлун и Сочигэл, но та наотрез отказалась спать вместе с хозяевами.

– Где это видано, чтобы рабыня вместе с господами спала? – возмущенно говорила она. – Буду спать в молочной юрте, как раньше. Там мне и на душе спокойнее и запах родной.

Оэлун сама сходила туда и постелила ей толстый войлок в два слоя, дала овчинное одеяло и оставила медный светильник.

² Сэгэн Сэбдэг тэнгэри – в языческой мифологии монголов единственный нейтральный небожитель между враждебными западными и восточными богами.

II

Тэмуджин, после того, как они остались одни и перекочевали в урочище у Бурхан-Халдуна, упорно и неотступно обдумывал свое положение. Часто понурыми зимними днями он, заседлав коня, по глубокому снегу уезжал в лес, будто ставить новые петли, а сам, уединившись в каком-нибудь укромном распадке, разжигал костер и просиживал там долгие вечера, пропадая иногда до глубокой ночи, чем вводил в беспокойство мать Оэлун.

Там, в одиночестве у костра, где никто не мешал ему, он снова и снова принимался за свои мысли, оглядываясь в прошлое, пытаясь разобраться в нынешнем и опасливо, с холодным страхом в груди, заглядывая в будущее. Больше всего он задумывался о том, что делать ему в своем новом положении: возобновить ли связи со старыми нукерами и с Джамухой, или искать новых друзей в ближних и дальних родах – у салчжиутов, хатагинов или бугунодов – набрать разбойничий отряд из своих сверстников, чтобы делать набеги на другие племена и пригонять табуны лошадей, и этим начать укреплять свое имя и славу. Но, старательно перебрав все видимые пути перед собой, понемногу отбрасывая все негодное, Тэмуджин остановился на одном, придя к тому, что пока он не повзрослел и не вошел в полную силу, не нужно высовываться из своего логова. Враги его – тайчиуты во главе с Таргудаем – сильны и коварны, если они заметят его возмужание, им ничего не стоит тайно уничтожить его, чтобы в будущем не мешал им хозяйничать в племени. И оставалось теперь ему одно – выждать.

Окончательно выбрав для себя путь, Тэмуджин главным своим делом поставил поменьше показываться людям на глаза, не напоминать лишний раз о себе и делать все, чтобы соплеменники думали, что дети Есугея теперь едва находят пищу на свое кормление и ни для кого не опасны.

Когда же он сказал об этом своим братьям, пытаясь объяснить им такую надобность, то неожиданно встретил с их стороны глухое противостояние. Бэктэр и Хасар насупились недовольно, хмуро сдвинули брови.

– Что, теперь будем сидеть тут как сурки в яме? – спросил Бэктэр. – Те ведь и то по ясным дням выходят наружу.

– Мы что, хамниганы какие-нибудь, чтобы в одиночку жить? – возмущенно воскликнул Хасар.

– Если я прикажу, то ты и хамниганом станешь, – с трудом сдерживая просыпающееся в нем себя бешенство, оборвал его Тэмуджин и обратился к Бэктэру: – Ты помнишь, что сказал нам Таргудай в свой последний приезд? Если нет, то напомню: вы сдохнете от голода или приползете ко мне... А что, ты думаешь, он сделает, когда узнает, что не сбылось его предсказание, оглашенное прилюдно?

Бэктэр хмуро молчал, отведя взгляд в сторону.

– Я тоже не знаю этого, – Тэмуджин раздраженно смотрел на него. – Но я знаю другое: только новорожденный теленок станет показываться на глаза зверю, не ведая, что у него на уме. Но уже в годовалом возрасте он не будет этого делать. А вам с Хасаром по сколько лет?..

Братья с неохотой признавали его правоту.

Еще раз они показали перед ним свое недовольство, когда Тэмуджин объявил о своем решении на лето перекочевать в горную долину: очень уж не хотелось им отдаляться от прибывающих на летники куреней соплеменников. Они рассчитывали разъезжать по игрищам и встречаться со старыми знакомыми. Чтобы уговорить их, Тэмуджину пришлось несколько раз вытянуть Хасара по спине плетью, а Бэктэру напомнить о клятве, данной ими друг другу осенью, перед кочевкой на Бурхан-Халдун. Порядок между братьями, казалось, был восстановлен.

На новом месте, осматривая горные дебри вокруг своего стойбища, на недалеком расстоянии Тэмуджин обнаружил узкую падь, скрытую между двумя отрогами. Внутри нее после

какого-то давнего пожара заросло все таким густым молодняком, что не только конному, но и пешему там трудно было передвигаться, не исколов себе лицо сосновыми иглами. Со всех сторон падь была закрыта почти отвесными каменистыми склонами, и попасть в нее можно было только через узкую горловину между двумя скалами. Можно было свалить два дерева на входе, чтобы наглухо закрыться там от преследователей. Падь эту Тэмуджин выбрал убежищем для своей семьи на случай прихода недругов. Братья тщательно осмотрели ее изнутри, наметили деревья, которые можно было срубить, чтобы завалить проход, расчистили от зарослей места, откуда удобнее было держать проход под прицелом.

Жизнь в горной долине вдали от соплеменников для братьев, с детства привыкших к общению со сверстниками, была бы скучной, если бы не ежедневные изнуряющие учения с оружием, за которыми Тэмуджин следил особенно строго. К этому прибавилось то, что с появлением молодых коней от Мэнлига на них стали делать дальние пробеги по степи, чтобы они были привычны к быстрым и длинным переходам. В остальное время Хасар с Бэлгутэем, пристрастившиеся к охоте на косуль, пропадали в тайге, а Хачиун и Тэмугэ кололи рыбу.

Изредка лунными ночами Тэмуджин и Бэктэр на своих старых конях выезжали к куреням, вновь прибывшим на летние пастбища, осматривали новые места родовых стойбищ. На месте своего прошлогоднего куреня они увидели небольшое стойбище в несколько десятков юрт, зато курень сонидов, раньше скромный по размерам, теперь, объединившись с каким-то другим родом, расширился вдвое. Не было известно, куда на лето ушли их дядья, по каким долинам они теперь пасут свои табуны.

Польза от учений, к которым понуждал Тэмуджин своих братьев, безуданно повторяя, что без этого им не подняться, вскоре подтвердилась.

В середине лета проезжали молодых лошадей Тэмуджин, Бэктэр и Хасар. Ехали они осторожно, малой рысью, держась поближе к лесам. Тихонько высовывали головы из-за гребней и внимательно озирали окрестности.

Перед вечером у небольшой речки Хоолой из прибрежных кустов наперерез им выехали трое всадников. Двое из них были молодые мужчины, лет по семнадцати-восемнадцати, а третий был пожилой, лет за тридцать. У всех были луки и полные колчаны стрел, длинные мадаги на поясных ремнях. Изношенная одежда с грубыми заплатками, хорошо выезженные сухощавые кони, оружие, и то, как они выехали к ним – так же, как они, настороженно, тщательно оглядываясь по сторонам – все говорило о том, что, скорее всего, это разбойники. Так на самом деле и оказалось.

– О, какие хорошие кони! – подъезжая, один из молодых окинул жадным взглядом их лошадей, и уже потом оглядел самих. – И оружие какое!.. Не рано вам такие луки носить, а? Видно, что не бедных родителей отпрыски.

– Чьи вы? – старший, косоглазый седой мужчина с изуродованным глубокими шрамами лицом, безулыбчиво оглядел их.

– Мы из рода кият-борджигин, – за всех ответил Тэмуджин.

– Кияты? – переспросил третий и растянул в холодной улыбке тонкие губы. – Это хорошо... очень хорошо, что кияты. Ваш Алтан-нойон разорил моего отца, забрал всех наших дойных кобылиц, сказав, что за старые долги. А теперь вас, киятов, самих ощипали как гусей, и я с вами сейчас рассчитаюсь за прошлое. А ну, слезайте с лошадей и снимайте свои ремни с оружием.

Тэмуджин быстро окинул разбойников глазами из-под суженных век. Те, не ожидая отпора от подростков, лениво развалились в седлах.

«Нельзя отдавать коней! – молнией промелькнуло у него в голове и он почувствовал, как вдруг чудовищными, нестерпимыми ударами забило в груди сердце. – И медлить нельзя. Как отбиться от них?.. Стрелами?.. Нет, арканами...»

– Арканы!.. – сдавленно выкрикнул Тэмуджин и в этот же миг сорвал со своего седла притороченный моток тонкой волосяной веревки.

Не размахиваясь, коротким движением он метнул в старшего, набросил ему на шею и тут же туго натянул петлю. Мгновением позже взметнулись арканы Бэктэра и Хасара. Разбойники, не успев опомниться, втроем беспомощно хватались за натянутые на их шеях крепкие тонкие веревки, безумно вытаращив глаза и хватая ртами воздух.

Тэмуджин первым изо всех сил дернул за веревку, потащил на себя, стягивая своего с седла, за ним последовали братья. Три бездыханных тела грузно свалились рядышком на землю, кони их испуганно шарахнулись в разные стороны.

Спустившись на землю, братья освободили свои арканы. На шеях у тех отчетливо проступили тонкие, красно-синие полосы. Не задерживаясь, братья вскочили на коней и, сматывая арканы на ходу, порысили на северо-запад.

– Оживут они или нет? – странно изменившимся хриплым голосом спросил Хасар, когда они отъехали на треть перестрела, и оглянулся на чернеющие в низине неподвижные тела и коней, растерянно переминающихся возле них.

– Радуйся, что не ты сейчас лежишь на земле, – сказал ему Бэктэр и обратился к Тэмуджину: – Надо было коней захватить и оружие, ведь теперь это наша добыча.

– Днем здесь могут встретиться люди, – сказал Тэмуджин, тут же поймав себя на том, что только сейчас он придумал эту отговорку. – Да и неизвестно, чьи на самом деле эти кони, может, только вчера у сонидов или хабтурхасов угнаны.

– Возьмем, хорошие ведь кони, – настаивал Бэктэр, жадно глядя на разбойничьих лошадей. – Кто нас тут увидит...

Тэмуджин некоторое время колебался, борясь с соблазном: кони в самом деле были отборные. Но чутье подсказало, что жадность подведет, мелькнула мысль: «И через несколько лет кто-нибудь может узнать лошадей...»

– Не сейчас, так потом попадемся, – отрезал он и первым порысил в сторону леса. – Поехали!

Дома они никому не обмолвились о случившемся. Лишь Бэлгутэю под вечер рассказал обо всем Хасар, отведя его в лес и взяв с него клятву не говорить никому. Тэмуджин после этого случая почувствовал, как сразу повысилось уважение к нему со стороны братьев. Даже самые строптивые, Бэктэр и Хасар, теперь без разговоров соглашались с его мнением. Глядя на них и младшие, Тэмугэ и Хачиун, наперегонки бежали исполнять его приказания.

III

После смерти старших киятских нойонов Есугея и Тодоена прошел почти год, а Таргудай-Хирэлтэг так и не смог собрать курултай племени и воссесть на ханский трон. То, что поначалу само шло к нему в руки и мнилось уже неминуемым, вдруг, казалось бы, ни с того, ни с сего, наткнулось на какие-то невидимые заторы, в которых Таргудай не мог разобраться и исправить дело в нужную сторону.

Неведомо по воле каких небожителей, восточных или западных, многие монгольские роды, прежде как будто склонявшиеся на его сторону, после отделились от него. Нойоны их перестали ездить в его ставку, не явились и на зимнюю облавную охоту. Это было открытым непризнанием его старшинства в племени. Возмущенный таким их поведением, Таргудай сначала попытался пригрозить им, с гонцами посылая к ним свое гневное слово, но те дали понять, что не потерпят притеснений и при случае будут защищаться. Было ясно, что они сговорились за его спиной и вместе строят против него козни.

Таргудай долго не мог уяснить себе причину того, почему нойоны так резко изменили свое отношение к нему. И лишь по прошествии времени – частью из доходивших до него разговоров в племени, частью своими домыслами – он стал понимать, что это произошло во многом из-за того случая с семьей Есугея, значения которого он за суматохой многих дел сразу и не разглядел.

Таргудай поначалу махнул рукой на отказ Оэлун и Тэмуджина присоединиться к нему. Посчитал, что улус Есугея и так не уйдет от него и рано или поздно будет в его руках. Да и последние остатки их подданных – те айлы, которые Оэлун подняла против него в тот несчастливый день, когда он приехал к ней свататься – одумались и на завтра же после того пришли к нему с поклоном и данью. Оэлун со своими детьми, оставшись без харачу и рабов, без скота, потерялись из виду. Таргудай послал было на их поиски своих нукеров, но, не обнаружив их нигде, бросил и это, решив, что сами подохнут от голода или какие-нибудь разбойники угонят их в рабство.

И только лишь потом, по истечении многих месяцев после того, до него стали доходить разговоры: мол, роды потому отшатнулись от Таргудая, что узнали о том, как осиротевшая семья Есугея с оружием поднялась против него и прогнала его вместе с нукерами. Будто люди рассудили так, что, с одной стороны, Таргудай не так уж и страшен, если позволил им так обращаться с собой, и, с другой стороны, если семья Есугея такова сейчас, когда дети малы и подданные отошли от нее, то какова она будет потом, когда сыновья его вырастут и по-настоящему поднимут свое знамя. Не придется ли пожалеть, что когда-то связались с этим Таргудаем. И потому, мол, люди снова притихли и выжидают.

«Бродячие суки со сворой щенков, пусть только появятся поблизости, – сжимал кулаки и задыхался от запоздалой злобы Таргудай. – А появиться, рано или поздно, должны, где-нибудь да вынырнут и тогда пусть не просят у меня прощения...»

Но, пройдя время, после многих раздумий, он понемногу успокоился: «Теперь-то они и на ноги не поднимутся, если еще этой зимой не передохли от голода... Зима была голодная, морозная, если и живы сейчас, то гонору у них поубавилось, где-нибудь грызут коренья с диким луком и проклинаят тот день, когда не послушались меня».

По-настоящему Таргудай теперь жалел о другом: слишком рано он начал показывать свое старшинство перед другими нойонами племени – тем и отпугнул их от себя. А вспугнутый и рассеянный по степи табун, каждому известно, вновь собирать нелегко, надо выждать время, чтобы он успокоился. И Таргудай, скрепя сердце отложив ханские выборы на более позднее время, стал устраивать пиры, приглашая на них нужных нойонов и заново налаживая с ними отношения.

Частенько теперь в ставке тайчиутов можно было видеть, как с утра мужчины режут кобыл и овец, а затем до ночи не смолкал шум пьяного веселья. Понемногу Таргудай стал привыкать к застольям – с песнями и плясками, с красивыми рабынями, борьбой и скачками среди молодых воинов. Теперь у него больше дней проходило за пиршественным столом и похмельным отдыхом после них, чем в обычных делах по хозяйству. Он обленился, обрюзг, пожирнел телом. Но гонора, как и прежде, не терял, держал себя с достоинством большого нойона.

* * *

Таргудай проснулся поздно – солнечный луч от дымохода добрался уже до середины решетки стены – и голова у него на этот раз опять была тяжелая. Накануне он до поздней ночи просидел с нойонами дальнего рода салчжиутов. Угощал их, заодно прощупывая их мысли, заводил разговоры о делах в племени. Таргудай не напирал на них, не настаивал, чтобы поскорее присоединялись к тайчиутам, но главное было сделано – сошлись на том, что нужно помогать друг другу и держаться вместе. Многочисленный род салчжиутов отныне будет в дружбе, не будет за его спиной связываться с другими. Это было уже немало. Обещали они и на облавную охоту прийти с большим отрядом.

Уехали салчжиутские нойоны тогда же, ночью – молодые, здоровые, им что день, что ночь, нет разницы – сказавшись, что утром у них молебен на родовом обо. И теперь Таргудай, не зная, с кем ему поправить голову, тяжело перебирал в уме, кого бы позвать, чтобы не потерять зря времени и поговорить с пользой. Тут он вспомнил, что давно не разговаривал со своим ближним нукером, который был у него старшим над лазутчиками в подвластных куренях и теми, кто объезжал его владения, наблюдая за порядком.

– Эй, кто там есть! – негромко, чтобы не усилить боль в затылке, позвал он.

Из-за полога в женской половине, замешкавшись, бесшумно вышла его молодая рабыня, запахивая полы халата из желтого шелка. Таргудай помедлил, оглядывая ее стройное, молодое тело, угадывавшееся под тонкой тканью, хрипло спросил:

– Где хатун?

– Она рядом, в молочной юрте, – нежным голосом проговорила рабыня, преданно и внимательно глядя ему в глаза, готовая выполнить любое приказание.

Таргудай еще раз оглядел ее и, с трудом подавляя в себе пробуждающееся желание, разочарованно проговорил:

– Ладно, пошли кого-нибудь за Унэгэном.

Та с низким поклоном попятилась к двери, все еще глядя на него, блестя раскосыми косульми глазами.

– Стой!

Та стала, все так же согнувшись, потупила взгляд. Таргудай некоторое время молча смотрел на нее, облизывая толстые, синие от архи губы. Затем он приподнялся на кровати, опираясь на локоть, бросил короткий взгляд на дверь и двинул рукой:

– Иди сюда.

Она подняла на него испуганные глаза и поняла все. Замерла, не двигаясь с места, не сводя с него затравленных глаз.

– Иди, говорю...

– Хатун зайдет, – плачущим голосом заговорила та, – она меня убьет... в прошлый раз сказала, что живьем собакам скормит, если еще приближусь к вам...

– Иди, не бойся, не будет ничего...

– Я боюсь, она убьет меня, – громко заплакала рабыня.

– Иди, иди!.. Не то я прямо сейчас прикажу тебя бросить собакам. Ну!..

Та приблизилась, дрожа всем телом, со страхом глядя на него. Таргудай крепко схватил ее за руку повыше локтя, рывком притянул к себе и сорвал с нее халат. Жадно оглядывая ее голое тело, смуглые молодые груди, стройные бедра с мягкими волосками у чресла, он уложил ее рядом с собой к стене, с утробным вздохом навалился на нее и грузно придавил под собой, сжимая в медвежьих ладонях ее тонкие плечи и груди, заставляя громко стонать от боли и тяжести...

– Молчи!..

Когда все кончилось, Таргудай, тяжело дыша, откинулся, толкнул ее.

– Уходи!..

Та испуганно вскочила, торопливо натягивая халат, повязывая пояс. Тщательно вытерла слезы на покрасневшихся щеках и вышла из юрты.

Напрягая спину и шею, стараясь не качнуть головой, Таргудай встал с кровати. Одел на голое тело прохладный атласный халат и прошел к столу. Тяжело присел, чувствуя, как кровь прилила к голове; облокотившись о край стола, стал ждать. Наконец, вернулась рабыня, и Таргудай приказал ей налить чашу холодной арзы.

Выпив, он замер на месте, ожидая, когда вино ударит в голову, развеет тяжесть и боль. Становилось легче, понемногу спадало напряжение в теле, но вино показалось слишком слабым. В груди все еще было тесно.

– Эй, где ты там! – он снова окликнул рабыню. – Налей мне еще и накрой стол. Пусть разогреют вчерашнего мяса.

Давнего своего нукера Унэгэна, худощавого мужчину с хитрыми, пронзительными глазами, Таргудай встретил уже навеселе.

– Что же ты так долго? – он недовольно оглядел его, когда тот, наконец, показался в дверях. – Тебя ведь зовет нойон, а не какой-нибудь сосед – коровий пастух, а раз так, ты должен бросать все свои никчемные дела и бежать ко мне со всех ног.

Голос Таргудая был не так зол, видно было, что он говорит лишь для остротки, но нукер по своей шкуре знал, что с ним нельзя шутить: может рассвирепеть из-за пустого и тогда жди беды, дело может закончиться плохо. Но на этот раз Таргудай был настроен мирно и быстро остыл.

– Стареешь, что ли? – проворчал он, гася злой огонь в глазах. – Садись.

– Да я у реки был, – облегченно переводя дух, оправдывался немолодой уже нукер и, присаживаясь, с опаской оглядывал накрытый стол, где посередине возвышался толстый медный домбо, от которого несло резким винным запахом: не иначе арза. – Я коня ловить ходил и оттуда меня позвали к вам. Пока есть время, хочу съездить в табуны, трехлеток для объездки отобрать.

– Кони твои подождут! – махнул рукой, как отрубил Таргудай. – Мне надо поговорить с тобой. Хочу у тебя узнать, как идет жизнь в племени, как люди живут. О чем говорят между собой.

Таргудай наполнил из домбо большую, от старости позеленевшую по краям бронзовую чашку.

– На, сначала выпей, а потом расскажешь мне...

Тот нерешительно замялся, пряча руки в потемневших, засаленных рукавах замшевого халата. Таргудай, заметив нежелание гостя пить, раздраженно повысил голос:

– Ну-ну, ты мне не придумывай отговорки. Я, твой нойон, должен еще уговаривать тебя, как чжурчженского хана?.. Пей!

Унэгэн, решившись, выпил крепкую арзу до дна.

– Ну, говори... рассказывай, что у тебя там нового, – Таргудай налил в свою чашу арзу, гулко отпил до половины и наставил на него свой тяжелый, пьянеющий взгляд, приготовившись слушать.

Тот беспокойно забегал глазами и, теребя узкую короткую бороду, некоторое время молчал, думая, с чего начать.

– Первое – это то, – начал он, – что хабтурхасский Улзэту вместе с киятскими Ехэ Цэрэном и Бури Бухэ, оказывается, еще зимой, во время больших буранов, ходили в набег на восточных меркитов. Угнали у них табун лошадей и сразу же обменяли его у онгутов на китайские товары. Онгуты, оказывается, сами приезжали к ним за теми лошадьми – с двенадцатью навьюченными верблюдами, и верблюдов тех оставили – значит, заранее обо всем была у них договоренность.

– Большой табун?

– Голов двести.

– Хм... Это Ехэ Цэрэна происки, не иначе. Улзэту и Бури Бухэ угнать табун и смогут, но чтобы потом так умело с рук сбыть и обменять, ума у них никогда не хватит... А этот щенок когда научился так воровать, да еще так ловко прятать следы, а?.. Ты запомни про этот случай, этот Ехэ Цэрэн нам может понадобиться.

– Запомню.

– Ладно, дальше.

– К бугунодам в начале лета приезжали чальчигиры³ с северных гор и просили железные котлы и ножи в обмен на шкуры черных соболей и морских нерп.

– Договорились?

– Да, продали десять котлов по двадцать шкур за каждую и семьдесят железных ножей за пять шкур.

– Ладно, что еще?

– Три дня назад на земле сонидов, у реки Хоолой, убили троих мужчин. Одного проезжие пастухи застали еще живым, и тот будто бы рассказал, что на них напали подростки кият-борджигинов.

– Какие еще подростки кият-борджигинов? – оживился Таргудай, приподнимая отяжелевшие веки. – Сколько их было?

– Трое их будто было, – Унэгэн с недоуменным взглядом на лице пожимал плечами. – Лет по десяти-двенадцати, но хорошо обученные; разом бросили арканы, да так, что эти и опомниться не успели, как их за шеи стянули с коней.

– А эти из какого рода?

– Урянхаи. Люди говорят, что они сами частенько занимались разбоем, а в последнее время совсем исчезли из куреня. Видно, сами они и пристали к тем подросткам. Что-то не верится, чтобы десятилетние щенки сами напали на взрослых мужчин. Да и ничего они не тронули, ни коней, ни оружие, все так и осталось при убитых.

– Хорошо обученные подростки, говоришь, – Таргудай, сдвинув брови, задумался. – Опять эти кияты... Да, они всегда хорошо обучали своих детей, но так, чтобы десятилетние дети взрослых воинов отправили к праотцам, такого я еще не помню.

– Да, такое нечасто можно услышать, – согласно качнул головой Унэгэн.

– А чьи, ты думаешь, это могли быть дети? – Таргудай поднял на него косоватый взгляд. – Ну, я же тебя знаю, ты хитрец старый и у тебя всегда есть какие-нибудь догадки. Скажи-ка мне...

Унэгэн молча пожал плечами, опустив глаза.

– Ты не пожимай плечами, а говори, что думаешь, – снова повысил голос Таргудай. – Я вижу, что есть у тебя что-то.

Тот повертел головой, будто ища место, куда спрятаться.

– Я думаю...

³ Чальчигиры – одно из эвенкийских племен.

– Говори!

– Я думаю, это не киятские были дети, – проговорил Унэгэн, вытирая вспотевший лоб. – Где сейчас живут кияты? Хутугта и Даритай с подданными на Шуусе, далековато от сонидов, чтобы подростки их там разъезжали. Ехэ Цэрэн и Бури Бухэ, те еще дальше, на Ингоде или Аге, ну а сыновья Хутулы всегда у вас на виду, да и дети их еще маловаты. А те подростки явно наврали, чтобы отвести от себя след.

– Ты так думаешь? – Таргудай успокоенно откинулся на подушки.

– Да, так я думаю, – Унэгэн, незаметно переводя дух, радуясь, что не придется браться за разношивание этого непростого дела, говорил уже равнодушным голосом: – Ведь человек, если хочет убить или украсть, никогда не назовет своего истинного имени.

– Да, ты прав, – окончательно успокоился Таргудай, облегченно вздыхая. – А то я тут было уже подумал несуразное... Ладно, думаешь ты иногда головой неплохо. Ну, ладно, ты иди, а мне еще отдохнуть надо.

Унэгэн с готовностью встал с места и, кланяясь, попятился к двери.

Выйдя на воздух, он подставил лицо прохладному восточному ветру, успокаиваясь после опасного разговора. Он утаил от хозяина то, что сам ездил на место рассматривать следы и неподалеку в траве нашел стрелу, видно, оброненную в суматохе, на которой была вырезана тамга покойного Есугея-багатура – натянутый лук с трезубцем вместо стрелы.

Долго думал Унэгэн, пока ехал домой, говорить об этом Таргудая или нет. Под конец он решил промолчать: если снова начнутся поиски семьи Есугея, то он, как старший над нукерами, будет на самом видном месте, а это опасно. «Если дети Есугея уже сейчас такие звери, то какими чудовищами они вырастут в свои зрелые годы? – думал он. – Я уже не молодой, чтобы из-за этого глупца Таргудая навлекать на себя их месть».

IV

Хасар с Бэлгутэем, больше всех среди братьев полюбившие бродить по таежным зарослям, считались теперь в семье самыми удачливыми в охоте на косуль. С начала лета они непрерывно поставляли для Оэлун и Сочигэл лучшее мясо из леса. Исходив сначала все ближние пади, они теперь с каждым разом уходили все дальше от стойбища. Не встречая поблизости ни людей, ни следов их, они уже чувствовали себя хозяевами в окрестных горах.

Привыкнув к новой жизни среди тенистых зарослей, ежедневно преодолевая далекие расстояния по лесным дебрям, по подъемам и спускам, по неровным звериным тропам, они даже походу обрели новую и ходили теперь, слегка наклонившись вперед, мягкими, по-рысьи крадущимися шагами.

Первой это заметила Сочигэл. Когда, собравшись все вместе, они разделяли перед юртой очередную их добычу, она, деревянным ковшиком наполняя косульки кишки густой бурой кровью, рассказывала остальным:

– Вчера я иду от реки с кувшином воды и вижу, будто от опушки идут к нам два хамнигана. Они спустились в ложбину, а я стала и жду, гадаю, что это еще за люди тут появились. Немного погодя вышли они на бугор, уже поближе, я смотрю, а это наши Хасар с Бэлгутэем идут... пригнулись, как рыси на охоте, и вышагивают, будто следы разноухивают... Ну, думаю, так мы здесь все скоро превратимся в хамниганов.

В середине лета Хасар с Бэлгутэем на двух старых конях отправились осматривать дальние места вверх по Онону. Выехали они с рассветом, а к полудню были на узкой горной речке, впадающей в Онон с правой стороны.

Шум воды заглушал звуки вокруг. Хасар шел впереди, ведя коня в поводу и глядя под ноги, выбирая дорогу среди прибрежных камней. Увидев перед собой устье другой речки, он остановился и, оглядев ее пенистые воды, спускающиеся из ближнего распадка, обернулся к Бэлгутэю.

– Передохнем, заодно подкрепимся рыбой. Тут, наверно, есть хариусы.

– Я тоже проголодался, – устало отозвался Бэлгутэй. – Никак не привыкну ходить по камням...

Разнуздали коней, напоили их в прибрежной отмели и привязали к кустам.

Наспех заострив ножами сосновые палки, они скоро накололи среди прибрежных камней по крупной рыбине. Не снимая чешуи, нанизали их на те же палки от пасти до хвоста.

С трудом раздули огонь. Сыроватые ветки, которые они наломали от палой сосны, лежавшей неподалеку от реки, долго не хотели разгораться. Поддавшись, наконец, пламени, они яростно шипели и трещали, разбрасывая вокруг искры, наполнив синим дымом весь берег.

– Надо было березовых сучьев найти, – отползая от костра и отдуваясь, щурился глаза от едкого клуба, опавшего на лицо, говорил Бэлгутэй.

– Долго искать пришлось бы, – Хасар, взяв свой рожон, поднял его над огнем. – И так обойдемся, не дома...

Рыба жарилась долго. Хасар в шутку отпихивал рожон Бэлгутэя, занимая все место над огнем. Тот, переползая на другое место, заходил с другой стороны.

У Хасара рыба поспела раньше и он, с хрустом откусывая от обугленной туши горячий кусок, смеивался, глядя на Бэлгутэя. Тот с добродушной улыбкой дожаривал свою рыбу, глядя, как с треском стекают на огонь желтые капли рыбьего жира, терпеливо глотал слюни.

Ели молча и жадно.

Насытившись первым, Хасар отбросил в сторону обглоданную рыбу хребтину и тут увидел, как в кустах на той стороне речки шевельнулась ветка и, немного погодя, на берег вышли

трое таких же, как и они, подростков. Бэлгутэй проследил за его настороженным взглядом, обернулся.

– Люди, – удивленно сказал он и замолчал, проглотив в волнении слюну.

– Это хамниганы, – догадался Хасар, увидев искусно вышитые разноцветными лоскутками голенища их гутулов.

Трое подростков, лет восьми-девяти, некоторое время молча смотрели на них, потом один, державший в правой руке железный трезубец на длинном тонком древке, левой призывно махнул им.

Хасар, помедлив, встал с места и спустился к берегу. За ним поспешил Бэлгутэй. Теперь их с хамниганами разделяло русло неглубокой речки в десяток шагов шириной.

«Зря мы так близко подошли, – запоздало подумал Хасар. – Если захочет, то может метнуть трезубцем. Надо было зарядить луки и спросить, что надо...»

– Вы кто? – неверно выговаривая монгольские слова, спросил хамниган с трезубцем, видно, старший из них. – Из какого племени?

– Мы кият-борджигины, – сказал Хасар. – А вы кто?

– Мы лимагиры, – ответил тот и повел рукой, указывая на берег речки. – По эту сторону наша земля.

– Сколько у вас людей? – помедлив, спросил Хасар.

– Не скажу! – сжимая древко трезубца и ожесточив лицо, выкрикнул хамниган. – Какой ты хитрый...

– Ладно, – примиряюще сказал Хасар, вспомнив строгий наказ Тэмуджина ни с кем не вступать в ссоры. – Мы пойдем назад.

Не оглядываясь, они поднялись на свой берег, взяли за поводья своих лошадей и пошли вниз по берегу. Перед тем, как повернуть за излучину, Хасар оглянулся. На том месте, где только что стояли подростки-хамниганы, уже никого не было.

– Видно, они были недалеко и увидели дым, – пыхтел сзади Бэлгутэй. – Что было бы, если бы мы сразу перешли реку?..

Хасар, не отвечая ему, гадал про себя о том, как отнесется к их встрече с хамниганами брат Тэмуджин.

«Никогда нельзя узнать, что у него сейчас на уме, – размышлял он, глядя под ноги, обходя острые камни. – То он требует ни с кем не ссориться, то велит бросать арканы и душить людей насмерть... Ну, здесь-то я сделал все так, как он велел, ни слова лишнего не сказал, ссоры не начинал. Придраться ему будет не к чему...»

Выйдя из горной теснины, они сели на коней и по ровному месту тронули рысью. Хасар вырывался вперед, оставляя Бэлгутэя далеко позади, и сердито махал ему рукой, призывая поспешать.

Задолго до вечера они были в стойбище.

Тэмуджина застали за юртой. Сидя под стеной в тени и положив перед собой седло, он зашивал порвавшийся стременистый ремень. Хасар сбивчиво рассказал ему о встрече с незнакомцами. Когда подошел Бэктэр, Тэмуджин потребовал рассказать еще раз. Скрывая недовольство и недоумение – для какой нужды дважды пересказывать одно и то же дело? – Хасар повторил свой рассказ.

– Нам надо поехать к ним, – подумав, сказал Тэмуджин и посмотрел на Бэктэра. – Посмотреть, что это за люди стоят за нами.

– Нельзя не поехать, – согласился тот. – Если после такого разговора сами не поедем к ним, они потом нас и за людей считать не будут.

Тэмуджин тщательно обдумал предстоящую встречу с хамниганами. Он сразу предупредил Бэктэра и Хасара о том, что встреча с ними будет мирной. Попутно он похвалил Хасара:

– Ты сделал хорошо, что не стал меряться с ними силами. Нам нужны друзья, а не враги. Ты очень разумно поступил.

Редко слышавший похвалы от старшего брата и поначалу несогласный с его мирными намерениями, и даже собиравшийся возразить ему, Хасар быстро остыл, задумавшись над его доводом. Он долго морщил свой темный лоб, оставшись один за юртой, беспокойно дергал ремень своего кнута, оглядываясь вокруг...

На следующее утро вверх по Онону выехали Тэмуджин и Бэктэр. По важному случаю они были одеты в новые замшевые штаны и рубахи, на головах были высокие войлочные шапки. В переметную суму среди других подарков Оэлун положила кусок синей китайской ткани.

– Вручишь это старшей женщине стойбища, – напутствовала она Тэмуджина. – Подарок приличный для любого возраста.

Добравшись в полдень до горной речки, они, не останавливаясь, проехали мимо вчерашнего кострища Хасара и Бэлгутэя, черневшего недогоревшими углями на прибрежном песке, вброд перешли реку и, сойдя с коней, осторожно двинулись вглубь зарослей.

– И следов их не видно, – озадаченно говорил Бэктэр, оглядывая вставший перед ними густой кустарник, – ни на берегу, ни в лесу... Верно говорят, что в лесу легче выследить старую самку рыси, чем старуху хамниганской кости.

– Потому я и говорю вам с Хасаром, что с ними нужно дружить, а не враждовать, – Тэмуджин внимательно осмотрел подпруги на коне и решил: – Пойдем по берегу Онона. Люди всегда держатся поближе к воде.

Оглядывая незнакомые горы, возвышающиеся по сторонам, запоминая приметные скалы и деревья, они прошли время, за которое можно было вскипятить средний котел воды, когда впереди раздался собачий лай. Два крупных черных кобеля стояли на краю небольшой поляны, точно так же, как и у них выходящей к реке и, задрав головы, словно на зверя, озлобленно лаяли.

Вскоре на берегу появились знакомые по рассказу Хасара подростки, негромко окликнули собак, и те послушно умолкли, отойдя в сторону. Тэмуджин, переглянувшись с Бэктэром, подошел к подросткам вплотную и поздоровался с поклоном, прижав руку к груди, как со взрослыми.

V

Оэлун, живя тихой безмятежной жизнью их маленького айла, отдыхала от людского шума, мутного водоворота бесконечных женских сплетен, дрызгов, тревожных слухов, вражды между родами, чем извечно полнится жизнь в больших куренях. Крохотное их хозяйство из двух коров с годовалыми телками и семнадцати коней, за которыми смотрели сыновья, почти не отнимало времени, давая Оэлун волю и на отдых и на спокойные размышления.

Место их летнего стойбища у тенистого горного леса с легким, прохладным воздухом даже в середине лета, когда в степи все вокруг изнывает от жары, подходило ей как нигде больше. Она сравнивала духоту знойной степи, когда сопки вдали растаивают в белом мареве, а горячий воздух застревает в глотке, отдаваясь саднящей болью в висках, с здешними благословенными местами и благодарила богов за данную им с детьми передышку в этом уголке. К тому же здесь ни чертей, ни приведений или какой-то другой нечисти, как заметили они с Сочигэл, не было – верной приметой этому было то, что подрастающая Тэмулун не боялась оставаться одна в темноте и не плакала во сне, – тогда как в куренях между людьми потусторонние духи так и кишели, часто пугая даже взрослых людей.

«Жили бы люди в лесу, как хамниганы, и не мучили себя, – думала иногда Оэлун. – Много ли нужно человеку?.. Но нет, вожди жаждут власти над улусами и табунами, бьются за славу, за почести, влияние среди людей... и ведут за собою народы. Оттого и все смуты в жизни...»

Оэлун блаженствовала в покое, но иное, как замечала она, держала в себе невестка Сочигэл. С детства привыкшая к многолюдству и весельям, она и в борджигинских куренях никогда не упускала того, чтобы поболтать и повеселиться с другими женщинами. На празднествах она любила разодеться в свои китайские одежды и, уложив на голове волосы диковинной пышной шапкой, невиданной до нее среди здешних людей, выйти с накрашенными бровями и ресницами перед взоры мужчин, так, что те, увидев ее, уже с трудом отводили глаза.

Будучи второй, нелюбимой женой, она с мужем ложе делила нечасто и, так и не насытившись ласками, с плохо скрытой жадой поглядывала на других мужчин. Оэлун нередко замечала ее голодные, затуманенные глаза, когда рядом находились молодые нойоны, и жалела ее. Она и Есугея просила почаще навещать ее младшей жене, но тот был к ней холоден.

И теперь, когда они остались одни, Оэлун все чаще видела в глазах невестки знакомый огонь женского голода, когда ей не хватает мужчины. Та, сдерживая себя при сыновьях, без них становилась раздражительной, часто срывала злобу на Хоахчин, покрикивая на нее из-за пустяков. Тяжко мучила ее жизнь вдали от многолюдных куреней. А однажды она высказалась перед Оэлун прямо:

– Если бы не прихоть твоего сына, мы сейчас не жили бы в лесу как дикие звери.

Оэлун не нашла слов для ответа, но поняла, что на невестку у нее нет твердой надежды, что в какое-то время она может подвести. Отнеся это к малому уму ее, Оэлун, все же, по-прежнему жалела ее, обиженную на судьбу, и надеялась, что как-нибудь они вместе протянут это тяжелое время, пока дети не встали на свою тропу – а там будет видно.

Думая о будущем детей, Оэлун теперь часто задумывалась и о том, что происходит в племени сейчас, после того, как распался киятский род. Снова и снова она расспрашивала Хоахчин о том, что видела и слышала та, живя у тайчиутов, старательно выуживала из ее старческой памяти все нужное для себя. Особенно дотошно она выпытывала про киятских нойонов, братьев Есугея. И по словам Хоахчин выходило, что братья-кияты, сильные и влиятельные при Есугее и Тодоене, теперь же вконец опустились и обесценились в своих достоинствах. За все это время их почти не было видно в главной ставке тайчиутов, а на больших пирах, которые были после зимней облавной охоты, они сидели ниже даже сонидов и генигесов, средних нойонов племени. Даже дети Хутулы, поначалу гонористые и беспокойные, в последнее время

поутихли, и среди тайчиутских харачу теперь шли слухи, будто им прямо указали, чтобы они не слишком часто беспокоили Таргудая своими хождениями к нему.

Обдумывая все услышанное от своей служанки, Оэлун с гордостью приходила к мысли, что теперь сын ее Тэмуджин даже по сравнению со своими дядьями выглядит более достойно – несмотря на малые годы, не поддался посулам Таргудая, не поклонился ему и единственный из всех киятов сохранил честь своего рода...

Раньше не вникавшая в дела племени, относя их к мужским заботам, Оэлун теперь невольно раздумывала о тех путях, которые могли встать перед ее детьми. Узнав от Хоахчин о том, что Таргудай теперь часто и много пьет, она была рада этому: подобный человек не может быть таким уж опасным для них. Не может такой человек быть и вожаком в племени. И, преодолевая робость в душе, пугаясь собственных мыслей, она про себя мечтала: старший ее сын Тэмуджин, идя по пути своего отца, может быть, и окажется тем самым, кто поднимет общее знамя племени – ведь было такое предсказание шаманов! И тут же, страшась неизвестно чего – вездесущих ли восточных духов, проникающих в людские мысли, или высших небожителей, не любящих гордости и зазнайства – обращала красное от возбуждения лицо через черный дымоход юрты к далекому небу: «Великие вожди-небожители, простите глупую женщину, я не зарюсь на невозможное, пусть будет так, как вы сочтете нужным...»

Обращалась она и к онгонам, духам предков, особенно к тому, который был великим шаманом и имел единственный глаз посередине лба, умоляла почаще оглядываться на детей Есугея и оборонять от опасностей.

И снова осторожно возвращалась она к мысли о тайном шаманском предсказании, о котором мало кто знал даже в своем роду. Приглядываясь к старшему сыну, она с радостью и тревогой отмечала, что умом своим тот далеко ушел от своих сверстников, обычных подростков. Даже рано повзрослевшему шаману Кокэчу, казалось ей, не уступает ее сын в разуме и она находила подтверждения этому, перебирая в памяти последние события: «Взять даже то, как он решил кочевать на Бурхан-Халдун, скрываясь от Таргудая, а потом и сюда, в горные верховья привел нас – до этого не каждый взрослый мудрец додумается... И то, что в такие-то годы надумал подружиться с хамниганами и для этого не пожалел вещей на подарки из того немногого, что у него осталось... Никто не умеет выживать в лесу зимой, как хамниганы и тот, кто дружен с ними, тот никогда не погибнет в тайге от голода. Прошлую зиму прожили на старых запасах, а будущую никто не знает, как нам придется проживать. А Тэмуджин уже подумал об этом... Да и будет к кому бежать в его положении, если из степи придут недруги, ведь только хамниганы в тайге умеют скрываться от людей бесследно. Обо всем продумал мой сын, разве не говорит это об особенном его уме?..»

Думала Оэлун и передумывала, прогоняя в голове одни и те же мысли о детях своих и будущем их, а по утрам брызгала молоком на восток, умоляя солнце и луну, вечное синее небо и девяносто девять небесных властителей ниспослать ее сыновьям безопасный путь.

VI

Тэмуджин и Бэктэр возвратились от хамниганов вечером того же дня.

Тэмуджину до этого мало приходилось видеть людей этого лесного народа – лишь изредка, когда их вожди приезжали в гости к отцу Есугею. Да и то, как всегда по приезду чужих послов, детей загоняли в малую юрту и они сидели там, не видя гостей. Но Тэмуджин не раз от отца и других старших сородичей слышал о странностях этих людей, а особенно их обычаев, и вот сегодня пришлось ему увидеть их своими глазами. Говорили раньше, что хамниганы всем встречным мужчинам без различия к возрасту и положению – что седовласому старцу, что семилетнему мальчику, нойону или простому охотнику – отдают равную дань уважения. И он смотрел на такое, как и все монголы, с насмешкой, как на никчемные чудачества чуждого народа, а теперь, испытав это на себе, стал по-другому относиться к ним.

Встретили их хамниганы с таким почетом, словно они с Бэктэром были большие нойоны, прибывшие к ним на важные переговоры, а не подростки из чуждого племени, разъезжающие по их звероловным угодьям.

Их провели в самый большой в стойбище чум, усадили на хойморе, а сами хозяева – старик и пятеро его сыновей – сели ниже на мужской стороне и завели с ними вежливый разговор, приличествующий знатным взрослым людям.

Пока шли взаимные расспросы о прошедшей зимовке и охоте на зверя, внуки хозяина добыли в лесу молодую косулю и старик по-хамниганскому обычаю поднес им свежую кровь – высший знак уважения у хамниган. Следом угощали их лучшей хамниганской едой: сырыми мозгами, сырыми же печенью и сердцем, а потом жареным в жиру мясом.

Старик и его сыновья перед ними держались с неизменной сдержанной почтительностью: ни одной улыбки или небрежного взгляда Тэмуджин ни разу не заметил на их лицах. Зато он увидел неподдельную радость в их глазах, когда он выложил перед ними свои подарки: два новых больших ножа в деревянных ножнах, десять железных наконечников к стрелам и шелковую ткань для жены старика. Отдалили их хамниганы не менее щедро: дали четыре костяных гарпуна на крупную рыбу, десять соболиных шкурок и с ног до головы одели их в зимнюю хамниганскую одежду из лосиных шкур.

Отсидев в гостях приличное время, задолго до захода солнца Тэмуджин и Бэктэр засобирались домой. Один из сыновей старика провожал их до устья речки, показывая тем, что русло ее – граница между их владениями.

По пути домой Тэмуджин тщательно перебирал в мыслях всю их встречу с новыми соседями. Неотвязно крутилось в голове одно и то же: «Почему хамниганы встречали нас с такой пышностью? Ведь они не должны были знать о том, из какого мы рода: ни о том, что потомки Алан-гуа, ни о том, что правнуки хана Хабула или сыновья большого нойона и багатура Есугея».

Ничего такого, что говорило бы о них самих, Тэмуджин с Бэктэром на себе не имели.

«И вообще, они не должны были думать, что мы нойонские дети, – упорно вдумывался он, осторожно спускаясь козьей тропой в низину. – Дети высоких родов не бродят одни по тайге. Тогда почему они это сделали? Хоть и всем, говорят, они оказывают честь, но не всех, наверно, так торжественно встречают...»

Перебрав все возможное, Тэмуджин нашел единственное объяснение всему – хамниганы эти были не кто иные, как сильные шаманы. Подумав, он еще больше утвердился в этой мысли: одежда, которую хамниганы подарили, оказалась как раз впору им, будто для них и была сшита, когда те до этого видели только Хасара и Бэлгутэя, которые намного меньше их телом и ростом. А еще, несмотря на то, что они нагрянули без предупреждения, все подарки для них у хам-

ниганов были приготовлены заранее – старик при них снял с жердины чума кожаную суму, в которой оказалось десять соболиных шкур и четыре гарпуна.

«Похоже на то, что старик знал о нас еще до встречи Хасара и Бэлгутэя с его внуками, – приходил он к окончательному решению. – И о том, что мы с Бэктэром придем к нему, он знал заранее, и потому он приказал своим женщинам шить одежду на нас, а не на младших... А раз так, то он знает и то, кто мы такие на самом деле...»

Придя к этому, он еще больше обрадовался мирному исходу их встречи, облегченно вздохнув: во врагах такие люди втрое хуже обычных людей, а в друзьях они и того лучше.

Когда до стойбища оставалось совсем немного, Бэктэр, чуть приотстав от него, спросил:

– Как будем делить подарки?

– А что тут делить, – беспечно сказал Тэмуджин. – Гарпуны поделят младшие, ведь они охотятся на рыбу, соболей отдадим матерям, а одежду нам подарили.

– Соболей матерям хочешь отдать? – внимательно разглядывая в руках рукоятку плетки, переспросил Бэктэр.

– А кому же больше?

– Давай по-другому сделаем, – Бэктэр, натужно улыбаясь, заговорщицки подмигнул ему. – Про соболей никому не скажем, спрячем где-нибудь здесь, а завтра поедем в степь и обменяем на что-нибудь.

– Обменяем? – Тэмуджин остановил коня.

– На что хочешь можно обменять, ведь они высоко ценятся, – глядя ему прямо в глаза и глотая слюны от волнения, убеждал его Бэктэр. – А так они будут зря лежать в сундуке, пропадут без толку...

«Глуп и коварен, – вспомнились Тэмуджину слова Кокэчу. – Такой человек опасен больше всего...»

– Нет, мы отдадим их матерям, – сказал Тэмуджин и тронул коня вперед. – Больше такое мне не говори.

Бэктэр тут же изменился в лице, досадливо оскалив ровные белые зубы, резко натянул поводья и отстал от него, ненавидяще глядя ему вслед.

VII

Прошло восемь месяцев с той поры, когда кият-борджигинские нойоны разъехались из своего общего куреня на Ононе, но до сих пор они ни разу не собирались вместе. Только однажды, во время зимней облавной охоты, Хутугта и Даритай виделись с детьми Хутулы, да и то поговорить им оказалось не о чем: все вместе попали под пяту к Таргудая, так чего же тут обсуждать, понятно все и без разговоров. Лишь как-то глубокой ночью, когда нойоны племени пировали после удачной облавы и все были пьяны, они сошлись вместе на соседней поляне и наскоро разложили отдельный костер. Побрызгали общим предкам, выпили по чаше архи и поскорее разошлись, чтобы не привлекать внимания наушников подозрительного Таргудая.

Бури Бухэ и Ехэ Цэрэн – те, отдалившись от всех где-то на севере, то ли на Шэлгэ, то ли на Ингоде, не подавали о себе вестей.

Хутугта и Даритай зиму провели на реке Улзе, куда указал им Таргудай, попали под сильные снегопады и к весне потеряли часть скота. Потери были и в людях: многие их пастухи, ранее получавшие у них кров и пищу, теперь же, видя, как они ослабли, без боязни уходили к тайчиутам и даже к менее знатным оронарам и бесудам, кочевавшим к востоку от них.

Проведя короткую весну на озере Цагаан, Хутугта и Даритай на лето откочевали на реку Балж, подальше от Таргудая.

Болезнь Хутугты, донимавшая его еще с прошлого лета, к весне резко усилилась, а к началу нового лета он, иссохший и ослабевший, окончательно уверился в том, что недолго спустя предстоит ему отправиться вслед за Тодоемом и Есугеем. Он сразу отрешился от земных дел, за которые до этого еще цеплялся, надеясь выжить, и теперь единственной его заботой была скорая встреча с предками и ответ перед ними за то, что случилось в последнее время в их роду. Как бы там ни было, выходило, что сейчас именно он, старший из оставшихся на земле киятов, был в ответе за все: за разлад среди братьев, за то, что не сохранили общий курень и за то, что бросили семью Есугея... Изю дня в день перебирая в мыслях свои будущие ответы там, на небесном суде, Хутугта все больше вдавался в суть происходившего в племени за последний год, делая безрадостные для себя выводы. С тяжелыми предчувствиями он думал и о неизбежной встрече с Есугеем, его расспросах о своих домочадцах.

Тщательно взвесив свою причастность к этому делу, он решил во что бы то ни стало разыскать Оэлун с ее семьей, навестить их и хоть чем-нибудь помочь, чтобы потом было что сказать Есугею. Умоляя небо отложить его смерть хотя бы на лишних два-три месяца, он дотошно обдумывал, куда могли запропасться его племянники со своими матерями. Слухов о них, кроме того, который был еще осенью – о том, что Оэлун подняла нукеров мужа с оружием и прогнала Таргудая – никаких не было. Можно было думать, что они не пережили голодной зимы и перемерли где-нибудь в безлюдье или, еще вернее, что Таргудай их потихоньку перебил, мстя за свой позор, если бы не шаманы. Трех разных ведунов приглашал к себе Хутугта за короткое время, прося их разведать о своих племянниках. Двое из них смотрели в воду, третий – на огонь и все как один подтвердили, что живы они и здоровы, и даже благоденствуют без всякой нужды. Но, как ни просил их Хутугта указать место, где они обитают, те разводили руками. Единственное, что шаманы могли ему сказать: они не на севере, как раньше подозревал Хутугта, и не слишком далеко от кочевий соплеменников. То, что невозможно выяснить точное их место, они объясняли тем, что, скорее всего, семье Есугея помогают духи предков или другие шаманы, а может быть, и сами боги, закрывая к ним доступ. Если это шаманы, сказали они, то, должно быть, очень сильные в своих искусствах, раз навели столько тумана вокруг них, и тягаться что с ними, что с предками, не говоря уже о богах, подобно безумству, и потому, мол, они не берутся за поиски. Шаманы эти были старые, много раз испытанные прежними своими предсказаниями и не верить им было нельзя. И это еще

больше встревожило раздумчивого Хутугту. Выходило, что брошенные в одиночестве перед голодной зимой сыновья Есугея не только не пропали, но еще и живут безбедно. Таким потомкам своего рода не помочь – большая провинность.

«То, что мы бросили их одних, это уже тяжелая вина, – продумывал бессонными ночами Хутугта. – Хотя здесь и есть чем оправдаться: Оэлун сама нарушила обычаи, отказавшись от Даритая. Но если не помочь выжившим теперь, не поддержать встающих на ноги, то это уже не простится...»

Тщательно обдумав все, он решил созвать братьев на совет, чтобы заручиться их мнением. Он послал нукера в главную ставку тайчиутов, тот пропьянствовал в айлах воинов Таргудая – своих друзей по татарским войнам – дня три и выведал, что летний курень Бури Бухэ и Ехэ Цэрэна сейчас находится на северо-востоке, в среднем течении реки Аги. Посоветовавшись, они с Даритаем отправили к ним своих послов с подарками и приглашением на совет.

Бури Бухэ и Ехэ Цэрэн приехали вечером последнего дня месяца удода⁴, крепко подвыпившие. Сойдя с лошадей, они полезли обниматься с хозяевами, дыша застоявшейся вонью архи, всплакнули с пьяной радости от встречи.

– Сача Беки, Унгур! – слюнявили они лбы племянникам. – Какие большие стали! На войну вам пора выходить, а?..

Те деланно улыбались, стараясь не дышать, незаметно отворачивали лица.

Хутугта приказал поставить для гостей отдельную юрту и накрыть столы, будто оказывая им почет, а на самом деле избегая лишнего общения с ними. Он приставил к гостям Даритая, а сам, отговариваясь болезнью, удалился в свою юрту.

На другой день, дав братьям хорошенько выспаться, Хутугта позвал их в свою юрту на совет. Опухшие с похмелья Бури Бухэ и Ехэ Цэрэн, выпив по огромной чаше крепкого айрака, пришли в себя и спросили:

– Зачем ты нас позвал, брат Хутугта?

Тот сказал прямо, без обиняков:

– Скоро я оставляю вас и уйду к предкам.

Бури Бухэ и Ехэ Цэрэн окончательно протрезвели после его слов. Внимательно оглядев его, они убедились, что он не шутит, и хмуро переглянулись между собой. Даритая сидел в сторонке, потупив взор, не вмешиваясь в разговор.

– Пока я еще в силе, надо поговорить о наших делах...

– Какие у нас теперь дела, – проворчал Бури Бухэ. – Говорил я вам осенью не поддаваться Таргудая, вы меня не послушались. А теперь Таргудай даже детей Хутулы, которые первыми побежали к нему кланяться, ни во что, говорят, не ставит. Что о нас говорить?.. Но мы с Ехэ Цэрэном окончательно договорились, что никогда не будем в слугах у этого тарбагана, а вы, если хотите...

– Подожди ты, – поморщившись то ли от приступившей боли в груди, то ли от раздражения, остановил его Хутугта. – Не об этом сейчас надо говорить... Я позвал вас, чтобы решить внутренние дела нашего рода.

– А чего тут решать? – мрачно усмехнулся Ехэ Цэрэн. – Все и так давно решено.

– Не все у нас решено! – нетерпеливо двинул рукой Хутугта. – Мы оставили без призора семью Есугея, своих ближайших племянников, и они сейчас скитаются неизвестно где. Это нехорошо. Надо их найти и взять к себе.

– Они сами виноваты! – зло выпалил Ехэ Цэрэн, уткнув взгляд в свои гутулы. – Если бы эта Оэлун тогда не заартачилась, все было бы по-другому.

– Когда мы взойдем на небо, – тяжело посмотрел на него Хутугта, – там спросят с нас с тобой, а не с Оэлун. А если они погибнут, как тогда будешь отвечать?.. Что потом люди будут

⁴ Месяц удода (монг. «уболжин») – соответствовал июлю по григорианскому календарю.

говорить про нас, киятов? Не только нас с вами, а наших правнуков будут попрекать за это. Потомки будут поминать недобрыми словами...

– А где они бродят? – снова недовольно сказал Бури Бухэ. – Может быть, их давно волки съели.

– Их никто не съел, доподлинно известно, что они живы и находятся недалеко.

– Откуда это известно? – недоверчиво скосил глаза Ехэ Цэрэн.

– Шаманы смотрели на воду и огонь.

Братья хмуρο молчали.

– Рано или поздно нам придется отвечать, – сказал Хутугта. – Сейчас самое время этим заняться, потом может оказаться поздно.

– Ну, тогда давайте думать, что будем делать, – со вздохом, с явной неохотой уступая ему, сказал Бури Бухэ. – Мы, правда, собирались съездить к онгутам по одному большому делу, но придется отложить поездку, раз такое дело. Так, Ехэ Цэрэн?

– Мы что, будем теперь рыскать по степи и высматривать этих негодников? – недовольно проворчал тот. – Ну, найдем их, голодных и оборванных, а что дальше будем делать? Улус их ведь все равно теперь не вернешь.

– Возьмем их к себе и будем жить вместе. Я выделю им кое-что из своего скота, дам и людей. Они будут рады после тяжелой зимовки.

– А как же быть со знаменем? – подал голос Даритай.

– Об этом и думать забудь! – пресек его Хутугта. – Все из-за этого началось, не надо было нам тогда зариться на знамя... Ведь и дядя Тодоен говорил нам: знамя должно остаться в семье Есугея. Мы не послушались, вот теперь мне одному и придется отдуваться за всех. Тэмуджин, видно, в отца пошел – упорный. Скоро он вырастет и вдруг заявит о своих правах? Вы что, воевать с ним будете?

Нойоны молчали. Хутугта испытующе оглядел их и промолвил:

– Пусть живет со своим знаменем, не трогайте его. И не копите грехи на свои головы, отвечать когда-то всем придется. Поняли вы меня?..

Братья потупили взоры.

– Молчите, значит, поняли, – Хутугта еще раз обвел их долгим, пристальным взглядом, убеждаясь, что противоборства от них не будет. – Я вот что еще подумал: всем нам братья за их поиски незачем, лишнее внимание можем привлечь. Вы, Бури Бухэ и Ехэ Цэрэн, как жили, так и живите у себя на Аге. А мы с Даритаем потихоньку осмотрим степь, людей послушаем, и рано или поздно, найдем их. Но когда найдем, я наделю их скотом, людьми и отправлю на жительство к вам. Вы от Таргудая далеко живете, у него не спрашиваясь, вам и сподручнее взять племянников на себя.

– Конечно, возьмем! – польщенный похвалой брата, загордился Бури Бухэ. – Мы ни у кого не будем спрашивать, как нам поступать с родными племянниками, ведь так, Ехэ Цэрэн?..

Тот безрадостно покачал головой, подавляя тяжелый вздох, но говорить ничего не стал.

– Ну, о главном мы договорились, – Хутугта, скупно улыбнувшись, взялся за кувшин с архи. – Теперь можно выпить. И я с вами немного выпью.

Когда солнце поднялось и в юрте стало душновато, Хутугта приказал слугам приподнять на стенах войлок. Свежий ветерок, хлынув сквозь решетки, освежил воздух и нойоны, облегченно вздыхая, развалились на мягких подушках. Женщины внесли чаши с горячей бараниной и вареной кровью.

– А где печень? – спросил Бури Бухэ. – Еще не сварили? Мне дайте сырую печень и сердце. Я в последнее время ничего вареного есть не могу.

– Много пьешь, значит, – укоризненно покачал головой Хутугта.

– Это да, – не стал отпираться Бури Бухэ. – А что при нынешней жизни больше делать, если не пить? Раньше ведь как хорошо было, когда мы были все вместе... весело, дружно... а теперь что?.. Тоска давит. И только вином можно такую тоску залить.

– Ты и раньше никогда не отказывался от архи, – улыбнулся Даритай.

– А ты-то сам какой был?

– Я не больше других пил.

– А я больше, да? – обиженно качал головой Бури Бухэ. – Если кто плохой среди нас, так это Бури Бухэ...

– А на самом деле знаете, кто в последнее время больше всех нас пил? – усмехнулся Ехэ Цэрэн. – Алтан, сын Хутулы. Как поедет опять на поклон к лучшему своему дяде Таргудаю, так обратно неизменно пьяный возвращался. Хорошо его там угощали, видно...

– А почему здесь сейчас нет детей Хутулы? – встрепенулся Бури Бухэ. – Я бы с ними поговорил, спросил бы, как хорошо им жить под рукой Таргудая. Брат Хутугта, почему ты их не позвал на совет? Они ведь тоже, хоть и паршивые, да наши, кияты... пусть и они помогают искать племянников.

– Я нарочно не стал им ничего сообщать, – пощипывая ус, хмуро сказал Хутугта. – Они не любили Есугея и здесь от них толку не будет. Да и не в этом дело, а в том, что ненадежны они, могут рассказать Таргудаю о том, что мы ищем племянников...

– А-а... – понимающим взглядом посмотрел на него Бури Бухэ. – Они, ты верно говоришь, ненадежные люди. За выгоду они и друг друга продадут, не то что нас. Уж такие это люди...

Братья печально качали головами.

Когда Бури Бухэ и Ехэ Цэрэн после двухдневного пьянства с Даритаем, наконец, убьели восвосяи, Хутугта вызвал к себе трех своих верных нукеров.

– Надо во что бы то ни стало разыскать детей моего брата Есугея, – дорожа временем, без околичностей выложил им Хутугта. – В степи или в тайге, в воздухе или в воде, но где-то на этой земле они есть, и вы должны разузнать, где они сейчас живут.

– В последнее время о них не было слышно, – недоуменно пожимали плечами нукеры, под опущенными глазами скрывая недовольство новой прихотью своего нойона.

– Узнаете, где они обитают, получите по три лучших рысака, – сдерживая кашель, поднял руку Хутугта. – Сами выберете из любого моего табуна.

Нукеры, мельком переглянувшись между собой, заметно воодушевились и преданно уставились на него.

– Начинать надо с бывших нукеров Есугея, – ставил им задачу Хутугта. – Тех, которые до последнего времени оставались с Оэлун. Таргудай, как говорили мне, их по ближним тайчиутским куреням расселил. Вам надо объехать их и по-тихому, осторожно опросить. Тому, кто что-то узнает о детях Есугея, обещайте от меня коня с седлом.

– А если они станут спрашивать, зачем нам понадобились дети Есугея-нойона? – деловито спросил нукер, тот, который недавно по его велению гостил в ставке Таргудая, разведывая о Бури Бухэ и Ехэ Цэрэне. – Тогда что им сказать?

– Скажите им прямо, что мы, братья Есугея, хотим помочь своим племянникам, и еще скажите, чтобы языки свои на коротких поводках держали, а то, если дойдет до ушей Таргудая, им самим не поздоровится. Поняли?

– Да, – решительно трягнули темными головами нукеры. – Когда нам выезжать?

– Сегодня же отправляйтесь и не возвращайтесь назад, пока не найдете их следы. О детях своих и женах не беспокойтесь, я сам буду присматривать за ними.

VIII

Прохладное горное лето, незаметно перевалив за половину, быстро потекло на спад. И теперь, едва солнце после недолгого дневного перехода над межгорной падью скрывалось за вершиной хребта, на поляне у шумной каменистой речки, где уютно прижилось маленькое стойбище семьи Есугея, быстро темнело. Последние лучи закатного солнца, ненадолго задержавшись на склонах соседней горы, затухали на ее вершине, затем наступали короткие сумерки. Из тайги, плотно обступившей поляну, уже подкрадывалась глухая тьма. Тревожно ухали филины, чуя близкий конец летнему теплу. Ночами заметно холодало, а перед утром по распадкам бродили густые туманы, обильно поливая траву ледяной росой. Близилась осень...

С середины молочного месяца Оэлун и Сочигэл начали вялить рыбу и сушить звериное мясо на зиму. Хачиуна и Тэмугэ, из-за холода перебравшихся из своего лесного балагана в юрту, теперь заставляли подолгу толочь в ступах засушенные до деревянной тверди куски. Полученную сухую, кисловатую труху плотно набивали в большие туесы и рядами укладывали их в молочной юрте у восточной стены.

Четверо старших братьев, вместе взявшись за звериную охоту, за несколько дней добыли одного пятигодовалого изюбря и шестерых косуль, нагулявших хорошего жира. Разделявая туши там же, на месте, они частями перетаскивали мясо в стойбище. Запасли мясо и этим немного успокоили матерей, встревоженных предстоящей зимой.

Оэлун отваривала кровь в кишках и кости с мясом, заставляла младших побольше есть. Почти каждый вечер она подзывала младших к себе и ощупывала жирок на их животах. Недовольно выговаривала Тэмугэ за то, что мало прибавлял в теле:

– Хачиун и Бэлгутэй вон как потолстели, а ты по-прежнему худой, потому что не стараешься в еде, носишься по лесу голодный. Как же ты на этот раз будешь зимовать? С таким животом к весне помрешь как теленок в бескормицу.

– А я зимой буду пить суп из сушеного мяса и не помру, – изворачивался тот и вопросительно смотрел на мать, пытаясь по ее лицу угадать, верно ли придумал.

– Ну, тогда работай побольше, чтобы до весны хватило тебе супа, – вздыхала Оэлун, придирчиво оглядывая его и качая головой.

– В голод первыми умирают самые худые, – поддакивала ей Хоахчин. – Поэтому сейчас надо насыщаться получше.

Обеспокоенный их предупреждением, Тэмугэ несколько дней старательно толоч мясо, старался и в еде, туго набивая живот, а однажды, когда мать в очередной раз ощупывала у него жирок, он спросил:

– А что мы будем делать, если зимой вдруг у нас кончится вся еда?

Оэлун, безулыбчиво глядя на него, молчала.

– Скажи, что будем делать? – не отступал Тэмугэ, теребя ее за руку.

– До этого мы должны добыть новую еду.

– А если ничего не найдем?

– Тогда вы съедите меня...

– Тебя? – удивленно спросил Тэмугэ. – А разве тебя можно съесть?

– Надо будет съесть, чтобы не умереть...

– А если кончится и твое мясо?

– Тогда съедите ее, – Оэлун указала на Сочигэл, сидевшую тут же у очага.

Сочигэл густо покраснела, нахмурившись, встала и вышла из юрты.

– Если и ее съедим?

– Тогда съедите ее, – она указала на Тэмулун.

Та, еще не понимая до конца слов матери, но почуяв что-то опасное для себя, настороженно смотрела на мать, готовая зареветь.

– А если и ее?

– Тогда братья съедят тебя.

– А почему меня, а не его? – Тэмугэ указал на Хачиуна.

– Потому, что от него больше толку, чем от тебя. Он больше умеет и знает, чем ты.

Тэмугэ, часто засопев, опустил голову, из глаз его по обеим щекам полились обильные слезы.

– Не плачь! – строго сказала Оэлун. – Мужчина должен знать закон. А чтобы не случилось этого, ты должен хорошо работать.

Вечерами в молочной юрте Хоахчин выделывала косульки и изюбриные шкуры, накопившиеся за лето. Хасар и Бэлгутэй, чертыхаясь от досады, поочередно давили тяжелую листовенничную ручку кожемялки.

– Мы же добывали этих зверей, нам же и досталось разминать шкуры, – громко возмутился Хасар, стараясь, чтобы услышала мать, варившая ужин на внешнем очаге. – А братья как будто здесь ни при чем.

– Есть-то все ели, – согласно пыхтел Бэлгутэй, налегая всем телом. – А работать одним нам приходится.

* * *

Тэмуджин после недавнего разговора с Бэктэром почувствовал с его стороны резкое отчуждение. Точно так же, как год назад после их драки при отцовском табунае, тот замкнулся в себе, перестал с ним разговаривать и между братьями снова начала настаиваться молчаливая, неопределенная вражда.

Вражда эта между ними окончательно закрепилась после того, как через три дня после их возвращения от хамниганов прямо на глазах у них разодрались их жеребцы. На этот раз они вдвоем возвращались с урочищ у Бурхан-Халдуна, где они осматривали травы и место будущей зимовки.

Пустив коней поpastись, они отдохали в маленькой излучине Онона под зарослями тальника. Подкрепившись взятой из дома едой, полеживали на седельных потниках. Выехав из стойбища ранним утром, они почти всю дорогу провели в молчании, обменявшись лишь короткими словами, когда брызгали архи хозяину Бурхан-Халдуна и осматривали пастбище. И теперь Тэмуджин раздумывал о том, как, пока они были одни, начать разговор и наладить пошатнувшиеся отношения между ними.

– Бэктэр, – мирным голосом начал он. – Давай поговорим с тобой.

– О чем нам еще говорить? – с непримиримой усмешкой покосился тот. – О том, какой ты умный и хороший, а я глупый и плохой?.. Или о том, что ты у нас нойон, а я во всем должен слушать тебя и помалкивать?..

– Подожди, – остановил его Тэмуджин и сел, глядя на него, готовя слова помягче, и в это время сзади раздалось тонкое, злое лошадиное ржание.

Черный жеребец Тэмуджина, яростно оскалив зубы и поворачиваясь задом, лягал каурого Бэктэра. Тот, огрызаясь, убежал от него.

Тэмуджин и Бэктэр, вынимая кнуты из-за голенищ, бросились разнимать. Тэмуджин наперерез подбежал к своему жеребцу и поймал за поводья, но тут же их перехватил Бэктэр и начал хлестать коня по бокам и крупу, раздражаясь страшными ругательствами. Жеребец косил выпученными глазами, от злобы и страха рвался на дыбы, но Бэктэр висел на нем как привязанный.

– Стой, Бэктэр, хватит, – Тэмуджин, подождав немного, схватил его за руку, когда тот замахнулся в очередной раз. – Вырвется, не поймает...

– Пусть он исчезнет, пока я его не убил! – выпучивая глаза и дрожа от злобы губами, прокричал тот ему в лицо. – Такой же, как и ты!.. Ненавижу!..

Тэмуджин отпустил его руку. Бэктэр, крупнее и тяжелее его, стоял перед ним, в злобе своей готовый броситься в драку, и у Тэмуджина вдруг пронеслось в голове: «Такого надо убивать сразу... ножом в сердце!..» Дрогнула рука, коснувшись ножен, и он, поймав себя на том, что впервые почувствовал в себе готовность убить брата, смутился, настороженным взглядом следя за ним, раздумывал, как быть. Тот, видно, догадался о его мыслях, поспешно отступил на два шага, опасливо глядя на него.

– Иди, лови своего коня, – сказал Тэмуджин и пошел за своим жеребцом, поджидавшим его в отдалении.

Домой они ехали порознь.

С того дня они без крайней нужды не разговаривали друг с другом, хотя внешне их вражда оставалась почти незаметной. Тэмуджин по праву старшинства отдавал приказания, распределяя работы между братьями, а тот, тая в бесстрастных глазах злую усмешку, молча исполнял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.